

СВЕТЛАНА НИКОЛАЕВНА ФИЛИМОНЧИК

кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук

Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)

syrsa@yandex.ru

СТАНОВЛЕНИЕ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ В КАРЕЛИИ В 1930-е ГОДЫ

Аннотация. Проанализирована организационная, учебная и научная деятельность Карельского государственного педагогического института и Карело-Финского государственного университета в условиях сталинской модернизации 1930-х годов. На региональном материале показана смена приоритетов в организации высшей школы: от форсированного развития отраслевых вузов к университетской модели образования. Выявлены источники формирования, численность, состав таких новых социальных групп городского населения Карелии, как преподаватели и студенты вузов. На основе архивных документов дополнена биографическая база данных работников высшего образования региона. Доказано, что деятельность вузов Карелии существенно повысила в 1930-е годы доступность высшего образования для сельской молодежи, представителей финно-угорских народов. На территории приграничной республики власти намеревались использовать вузы в качестве инструмента социалистического влияния в Финляндии и в то же время усиливали политический контроль над вузовской корпорацией. Обвинения в скрытии социального происхождения, подозрения в лояльности буржуазной идеологии или национализму, факт прибытия в Карелию из стран Запада становились поводом для увольнения, ареста, неправедного суда. В работе использованы генетический, проблемный и биографический методы, контекстуальный и системный подходы.

Ключевые слова: Карельский государственный педагогический институт, Учительский институт, Карело-Финский государственный университет, студенчество, высшее образование

Для цитирования: Филимончик С. Н. Становление высшей школы в Карелии в 1930-е годы // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 8. С. 46–55. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.692

ВВЕДЕНИЕ

В 2021 году исполняется 90 лет высшему образованию Карелии. Образование определяет интеллектуальный ресурс общества и личности. В условиях трансформации образовательных практик на основе цифровизации и коммерциализации остаются востребованными ценностные ориентиры классического образования. Его история важна для идентификации тех, кто сегодня обучает, учится, реформирует высшую школу. Память о прошлом своей корпорации поддерживает университет как общественный институт. В ходе модернизации образование играло двоякую роль: способствовало становлению культурологической парадигмы, акцентирующй внимание на самореализации личности, воспитывало готовность к переменам и, закладывая основы фундаментальных знаний, помогало сохранить культурные традиции. Ныне традиции рассматриваются не как барьер, а как хранилище ресурсов для преобразований. История вузов находится на пересечении современных на-

правлений науки, в том числе социальной и интеллектуальной истории.

Становление высшего образования в Карелии рассмотрено в книгах по истории культуры края [2], [15], в работах, изданных к юбилею вузов [5], [9], [10], [14]. Последние служили прежде всего формированию их имиджа. Под редакцией В. Ф. Брязгина, Г. В. Чумакова, Л. Н. Юсуповой вышло в свет исследование о руководителях пединститута разных лет [13]. И. В. Шороховой охарактеризовано динамичное развитие университета в период оттепели [16], [17]. В научный оборот введены разные группы источников. М. И. Шумилов, И. П. Покровская определили информационный потенциал университетской газеты [14]. Р. П. Калинин широко представил выдержки архивных документов и создал хронику развития педагогического вуза [6]. Н. В. Предтеченская составила биографическую базу данных, важную для реконструкции коллективной биографии работников высшего образования Карелии [11]. С. Э. Яловицына, Е. В. Каменев, Д. В. Чет-

вертной показали возможности метода интервьюирования для воссоздания истории университета [8].

В большинстве работ основное внимание уделено послевоенной истории вузов, первые годы их деятельности рассмотрены фрагментарно. Целью данной статьи является комплексный анализ организационной, учебной и научной деятельности первых вузов Карелии в условиях реформ 1930-х годов. Особое внимание уделено характеристике новых социальных групп горожан – преподавателей и студентов вузов. Источниками стали прежде всего отчетные, учетные, справочно-аналитические документы фондов Министерства образования РК (ф. 630), Карельского государственного педагогического института (ф. 1168), Петрозаводского государственного университета им. О. В. Куусинена (ф. 1178), хранящиеся в Национальном архиве Республики Карелия. Использованы информационные заметки республиканских газет, освещающие учебный процесс. Комплекс этого-документов по теме исследования крайне ограничен, тем не менее привлекался для характеристики организационных процессов и повседневной жизни студентов (воспоминания Г. Н. Куприянова, С. П. Сюнева). В работе использованы генетический, проблемный и биографический методы, контекстуальный и системный подходы.

* * *

В начале 1930-х годов правительство Карелии впервые попыталось создать в Петрозаводске учебное заведение университетского типа, где молодежь могла бы получать фундаментальное образование и успешно велись бы научные исследования. 8 февраля 1931 года СНК АКССР принял постановление о создании втуза-комбината. Он должен был включать сельскохозяйственный, педагогический и коммунистический вузы, рабочий факультет и Научно-исследовательский институт¹. Однако в Москве идея поддержки не встретила, в это время университетская модель образования подвергалась критике [1], поощрялось создание отраслевых вузов. Поэтому СНК РСФСР постановил создать в Карелии четыре самостоятельных института: лесной, сельскохозяйственный, педагогический и коммунистический².

В 1931/32 учебном году в Петрозаводске на базе техникумов созданы лесной и сельскохозяйственный институты. Их первые шаги были сопряжены с серьезными трудностями: не хватало абитуриентов со средним образованием, отсутствовали преподавательские кадры. Не сумевшие выжить в этих условиях институты в 1933 году были переведены в Ленинград³.

В 1932 году в республике открылся Карельский коммунистический университет, вскоре реорганизованный в Карельскую высшую коммунистическую сельскохозяйственную школу. В 1933 году в комвузе учились 219 человек, в основном практики-выдвиженцы, большинство являлось представителями финно-угорских народов⁴. Выпускники должны были стать организаторами сельскохозяйственного производства и новой жизни в колхозах, с таким трудом созданных, поэтому они получали и идеологическую подготовку, и научные знания. Преподавательский состав формировался с учетом обеих задач. Так, по распоряжению ЦК ВКП(б) в комвуз был направлен Яков Петрович Голенченко, выпускник Московского университета, профессиональный партийный работник. Возглавляя кафедру ленинизма, Голенченко продолжал учебу заочно в Институте красной профессуры. В 1937 году в Московском институте философии, литературы и истории (МИФЛИ) он защитил кандидатскую диссертацию [11: 15]. Химию и биологию будущей сельской элите преподавал Матвей Александрович Тойкка. У него за плечами был Ленинградский сельскохозяйственный институт, педагогический опыт работы во Всеволожском сельскохозяйственном техникуме, аспирантура на кафедре земледелия Пушкинского сельскохозяйственного института. Всего в 1935 году в комвузе трудились 30 преподавателей [2: 194].

24 августа 1931 года СНК АКССР принял постановление об организации Карельского государственного педагогического института (КГПИ) с 4-летним сроком обучения. Институт открылся в составе одного физико-технического отделения. К занятиям приступили 48 студентов, половина приехала из районов Карелии (Ребол, Кестеньги, Лоухи, Кеми, Пудож и др.)⁵, 6 человек являлись иммигрантами. Студентов разбили на русскую и финскую секции. До выпуска дошла половина поступивших: в 1935 году 23 студента успешно защитили дипломы, из них трое на «отлично», 6 человек на «хорошо», остальные студенты получили удовлетворительные оценки⁶.

В 1934 году в КГПИ работали четыре факультета: физико-математический, естествознания, исторический, языка и литературы. Организацией учебного процесса занимались кафедры. Первыми были созданы кафедры педагогики и психологии (1932), математики (1932), биологии (1932), химии (1933) и др. С 1932 года работало заочное отделение. В 1935 году при вузе был организован Учительский институт.

«Вузовский городок» на окраине города включал несколько сырых дощатых двухэтаж-

ных домов с печным отоплением. Когда началось сооружение современного учебного корпуса на проспекте Ленина, студенты до темноты работали на стройке, чтобы ускорить возведение фундамента. В 1937 году учебные аудитории и лаборатории разместились в благоустроенном четырехэтажном кирпичном здании.

Первым директором КГПИ назначили Ивана Андреевича Вихко. Выходец из крестьянской семьи, он окончил аспирантуру Московского института научной педагогики. Директором КГПИ пробыл недолго, через год стал директором комвуза, а потом был назначен наркомом просвещения АКССР [11: 3]. Викхо сменил Петр Ефимович Савельев, чей жизненный путь похож на судьбу предшественника. Выходец из сямозерских карелов, Савельев, окончив педтехникум, учительствовал в родных местах. Через несколько лет он продолжил учебу в Академии коммунистического воспитания им. Н. К. Крупской, по окончании вуза трудился в Наркомпросе АКССР [13: 23]. Когда Савельев вернулся в Наркомпрос, КГПИ возглавил финский политэмигрант Эло Моисеевич Сюяянен. В Финляндии за участие в революционном движении он пять лет провел в тюрьме. Прибыв в СССР, 28-летний рабочий окончил комвуз, а затем аспирантуру Ленинградского государственного университета (ЛГУ), стал первым заведующим кафедрой физики КГПИ [13: 32]. Работа Сюяянена, как и сменившего его на короткое время карела Петра Григорьевича Грибкова, была прервана массовыми репрессиями. С конца 1938 года руководил работой КГПИ Константин Дмитриевич Митропольский, выпускник Петроградского университета (1917). После разгрома местных управленцев его направили в Карелию с учетом опыта заведования педтехникумами в Новгороде и Старой Руссе [13: 41].

В 1936 году в КГПИ работали три профессора, семь доцентов, 30 и. о. доцентов и 16 ассистентов⁷. Преподавателями институт обеспечивался разными путями. Частично привлекались преподаватели техникумов, такие как Петр Андреевич Лупанов, Валентин Михайлович Парфенов и др. Более важную роль сыграло направление на работу в Петрозаводск Ленинградским обкомом ВКП(б) аспирантов и выпускников ленинградских вузов. Среди первых прибыл Адам Адамович Райкерус, окончивший физико-математический факультет ЛГПИ и краткосрочную аспирантуру ЛГУ. Он был назначен деканом физико-математического факультета, а деканом биологического факультета стала Айно Семеновна Лутта, выпускница аспирантуры при Петергофском биологическом институте. Среди организаторов факультетской жизни выделим зооло-

га Михаила Яковлевича Марвина. В 1936 году он первым среди научной молодежи КГПИ защитил кандидатскую диссертацию, вскоре стал деканом факультета естествознания, заместителем директора по учебно-научной части.

Повышению уровня лекционных курсов, подготовке научных кадров содействовала работа совместителей. Кафедрой истории КГПИ руководил Александр Евгеньевич Кудрявцев – первый декан исторического факультета и заведующий кафедрой истории средних веков ЛГПИ, специалист по истории Европы Средних веков и раннего Нового времени. Под его руководством в 1938 году защитил кандидатскую диссертацию на тему «Вестготы и Римская империя в IV веке н. э.» петрозаводский историк Ефим Семёнович Гардин.

Научная работа преподавателей ориентировалась на интересы их научных руководителей из столичных вузов. В то же время в институте наметилась тенденция к научному исследованию своего региона. В 1931–1935 годах она проявилась в изучении финского языка и финской культуры. В национальных группах обучение стремились вести на финском языке. На финский язык переводились программы и учебные пособия. Были разработаны лекционные курсы по истории финноязычной литературы. В 1937–1939 годах развернулась работа по созданию литературного карельского языка. Школьников из районов Карелии начали обучать на карельском языке, потребовались знающие его учителя. В КГПИ были созданы карельские группы. Курс карельского языка вел Николай Александрович Анисимов. В предвоенные годы им были изданы букварь карельского языка и учебник грамматики. Подготовленный Анисимовым учебник морфологии карельского языка обсуждался в Институте языка и мышления в Ленинграде и получил положительную оценку специалистов⁸. К сожалению, во второй половине 1930-х годов изучение финно-угорских языков в Карелии дважды прерывалось по политическим причинам.

Работа в вузе обеспечивала достаток, каким он виделся жителю Петрозаводска. В 1931 году промышленный рабочий получал в среднем 115 руб.⁹, профессор – 300 руб., доцент – 250 руб., ассистент – 210 руб. Профессорам и доцентам могли устанавливаться персональные оклады¹⁰. За работу по совместительству платили 75 % оклада. Разрыв в зарплате гегемона-рабочего и вузовского преподавателя возрастал. В 1936 году средний заработок рабочего АКССР вырос до 216 руб., а зарплата и. о. доцента пединститута – до 650 руб. и выше¹¹. В Петрозавод-

ске был построен Дом профессоров с 3- и 4-комнатными благоустроеными квартирами.

Быстрее материального достатка рос политический контроль. В середине 1930-х годов в Карелии развернулась кампания по борьбе с «буржуазным национализмом». Среди работников вузов стали искать идеологически ненадежных, пединститут, в который раньше активно привлекали на учебу финских мигрантов, обвинили в том, что он «являлся штаб-квартирой финских буржуазных националистов»¹².

Карел Николай Михайлович Яккола был снят с заведования кафедрой ленинизма «за грубую ошибку по вопросу об отмирании государства» и вскоре уволен. Преподаватель языкоznания Виктор Яковлевич Евсеев был уволен за то, что послал свою статью «Руны» для публикации в прессе Финляндии¹³. Только осенью 1937 года в КГПИ было уволено 19 преподавателей и сотрудников, 10 из них вскоре арестовали [15: 79].

Немало судеб сломал маховик репрессий. В 1938 году расстрелян в Сандармохе Виктор Викторович Сало – декан факультета языка и литературы, автор учебных пособий по финскому языку, переводчик на финский язык русской классики [3]. Расстрелян в окрестностях Петрозаводска переселенец из США, преподаватель всеобщей истории Тойво Яковлевич Рантанен. Урхо Несторович Руханен, читавший курсы по истории финской и западной литературы, в 1936 году характеризовался как «ценный научный работник»¹⁴, а через год его уволили за то, что на лекциях много рассказывал о творчестве финноязычных писателей Карелии¹⁵. Руханен был арестован и 8 лет провел в лагерях. В 1936 году завершил недолгую работу в КГПИ декан исторического факультета Эрнст Карлович Паклар. Молодой исследователь готовил к защите диссертацию о немецкой экспансии в Прибалтику в Средние века и читал курс истории Средних веков. После отъезда из Петрозаводска он работал деканом в Витебском пединституте. В разгар «национальных операций» эстонец Паклар арестован, возвращен в Карелию, обвинен в привлечении троцкистов на исторический факультет КГПИ, осужден «тройкой» на 10 лет лагерей [7]. Драматично сложилась судьба директоров КГПИ: И. А. Викхо умер во время следствия, Э. М. Сюянян был расстрелян, П. Е. Савельев, П. Г. Грибков несколько лет провели в тюрьмах [13: 18, 29, 34, 38].

Когда репрессивный вал стих, возобновилась стабильная педагогическая работа. Однако во время Советско-финляндской войны учебный корпус пришлось передать штабу Финской

народной армии и госпиталю, в вузовском городке разместились воинские части. До апреля 1940 года учебные занятия были приостановлены. Несмотря на трудности, в 1930-е годы пединститут подготовил 219, а Учительский институт – более 300 специалистов [15: 80].

До середины 1930-х годов средних школ в Карелии было немного, в вуз набирали по разверстке Наркомпроса. Выдерживался классовый подход: не принимали лишенцев и их детей, за сокрытие социального происхождения исключали из вуза¹⁶. В первую очередь привлекали на учебу представителей финно-угорских народов. В 1935 году в пединституте 40 % студентов составляли финны, 22 % – карелы. В Учительском институте среди учащихся финнов было 52 %, карелов – 25 %.¹⁷ Среди студентов было немало иммигрантов. Так, в национальной группе на специальности «история» учились приехавшие в начале 1930-х годов из США, Канады, Финляндии С. Г. Винранмаа, С. И. Карлстедт, К. П. Карлстедт, В. А. Ниemi, А. И. Тайвайне, А. К. Кошки, П. С. Кокко, И. М. Картту¹⁸.

Когда выросло число средних школ, острота проблемы набора несколько снизилась, ввели вступительные экзамены, однако сдать их могли далеко не все. В 1935 году 45 % студентов пришлось зачислить с неудовлетворительными экзаменационными оценками. Поначалу оценивалась в основном текущая успеваемость, к середине 1930-х годов ведущей формой проверки знаний стали экзаменационные сессии. Оценки делились на «очень плохо», «плохо», «посредственно», «хорошо», «отлично» – тщательнее дифференцировались слабые знания. Большинство имели оценки «посредственно», учившиеся на «хорошо» и «отлично» составляли не более трети студентов. Экзамены в то время называли испытаниями, и это слово отражало суть действия: на аттестации студент получал 5 вопросов, на их обдумывание отводилось 10 минут¹⁹. Отличники премировались путевками на экскурсии и в дома отдыха, а также денежными премиями. Лучшим выпускникам вручались дипломы первой степени (аналог современного красного диплома).

Учеба требовала от молодежи воли и целеустремленности. Студенческие общежития больше походили на казарму: в холодных комнатах жило по 16 человек. Стипендию (50–90 руб.) получали только студенты с высокой успеваемостью, а таких было немного. Большинству сельских мигрантов на помочь родителей-колхозников рассчитывать не приходилось. Жили, затянув пояса: хлеб и крупа по карточкам, обед в столовой по талонам. В помощь студентам институт

организовал подсобное хозяйство: построили коровник, свинарник, курятник. Активно трудилась своя рыболовная артель²⁰.

Культурный кругозор многих студентов был ограничен, художественную литературу читали не более половины из них. В институтской библиотеке в 1936 году насчитывалось 35 тыс., в 1940 году – около 60 тыс. книг [5: 132], но большинство составляли учебники, 20 % фонда – это книги на финском языке, в 1937 году их изъяли из свободного доступа. Библиотеку возглавляла Александра Константиновна Гаврилова. До этого назначения Гаврилову уволили с должности библиотечного инструктора Медвежьегорского района, когда стало известно, что ее родители раскулачены, а она переписывается с матерью-лишенкой. Местные власти были непреклонны: «В условиях пограничной республики на идеологическую работу ее допустить не можем»²¹. Библиотекарь обратилась за защитой к Н. К. Крупской и М. И. Калинину. Их решение республиканские власти игнорировать не могли.

После Советско-финляндской войны КАССР была преобразована в КФССР. В связи с этим 30 марта 1940 года изменилось название вуза – Карело-Финский государственный педагогический и учительский институт. Центр стремился поддержать новую союзную республику. 24 марта 1940 года на совещании в Москве И. В. Сталин выдвинул предложение о создании в Карелии университета. Этот вопрос стал на совещании центральным, хотя были более злободневные темы: границы между КФССР и Ленинградской областью, кадры руководящих работников Карелии²². Stalin рассчитывал на дальнейшее включение Финляндии в зону советского влияния, и университет мыслился проверенным в осуществлении этой не предаваемой огласке задачи. Ректором был назначен финский политэмигрант Тууре Иванович Лехен, работник Коминтерна, во время Советско-финляндской войны член Териокского правительства. На всех факультетах вводилось преподавание финского языка, а работу по созданию литературного карельского языка свернули.

Карело-Финский государственный университет (КФГУ) открылся 2 сентября 1940 года в составе четырех факультетов. Опыт КГПИ облегчал решение кадровой проблемы. Проректором по учебной и научной работе стал К. Д. Митропольский, более 50 институтских преподавателей перешли в штат нового вуза. Всего в 1940 году в нем работали пять профессоров и 26 кандидатов наук, 28 преподавателей без ученой степени²³.

Деканами факультетов стали Михаил Георгиевич Никулин (историко-филологический), Адам Адамович Райкерус (физико-математический), Элеонора Давыдовна Маневич (биологический), Матвей Александрович Тойкка (географо-гидрогеологический). Все кандидаты на административные должности утверждались ЦК КП(б) КФССР. Выдвигали образованных, переданных новому строю управленцев. В 1930-е годы они прошли суровую закалку. Так, М. Г. Никулин после аспирантуры работал в ЛГПИ, в 1934 году был командирован в Петрозаводск на должность заместителя директора пединститута. За следующие четыре года он дважды исключался из партии и увольнялся из вуза: сначала за якобы сокрытие социального происхождения жены, потом за то, что, будучи деканом, не «очистил» исторический факультет от «классово чуждых элементов». В партии и в должности был восстановлен, когда схлынула волна репрессий. В 1940 году Митропольский характеризовал своего заместителя по учебной и научной работе как инициативного, умелого организатора²⁴.

21 мая 1941 года Всесоюзный комитет по делам высшей школы при СНК СССР утвердил состав Совета КФГУ, председателем которого стал Т. И. Лехен, ученым секретарем – М. Г. Никулин. В состав Совета вошли 25 человек, в том числе три доктора наук: физик Матвей Владимирович Мачинский, биолог Владимир Владимирович Правдич-Неминский, геолог Всеволод Сергеевич Слодкевич²⁵.

КФГУ начал подготовку по 12 специальностям. В конце 1930-х годов в Карелии половина школьных учителей имела лишь курсовую подготовку, менее половины научных сотрудников Карельского НИИ культуры получили высшее образование. Поэтому важно было наращивать подготовку молодежи по специальностям, ориентированным на исследовательскую и преподавательскую работу (русский язык и русская литература, финский язык и финская литература, история, физика, математика, зоология, ботаника, география). Наряду с университетом в 1940/41 учебном году подготовку учителей для неполной средней школы продолжал вести Учительский институт.

Ряд специальностей имел прикладной характер, тесно связанный с экономикой Карелии (лесоведение, ихтиология, геология, гидроэнергетика)²⁶. Индустриальное производство нуждалось в специалистах: в лесной, горной промышленности Карелии большинство работников, занимавших инженерно-технические должности, составляли практики-выдвиженцы без специального образования, что серьезно

сказывалось на организации производственных процессов, качестве выпускаемой продукции.

Самым большим в университете был историко-филологический факультет (339 студентов)²⁷. В его составе работали кафедры истории (зав. – Ефим Семенович Гардин), русского языка (зав. – Василий Иванович Алатырев), литературы (зав. – Николай Николаевич Попов). На кафедре истории в КГПИ вначале работала единственный «костепененный» преподаватель – античник А. А. Мотус-Беккер. Слушавший ее лекции в 1938 году Сергей Павлович Сюнев вспоминал: «Это была очень симпатичная дама, прекрасно знавшая свой курс. Студенты глубоко уважали ее»²⁸. В 1938 году защитили диссертации Гардин и Григорий Семенович Ульман (последний – по теме «Общественно-политические взгляды П. Н. Ткачева в связи с его революционной деятельностью»). В конце 1930-х годов в штат приняты выпускники МИФЛИ Татьяна Васильевна Еремеева и Екатерина Зиновьевна Серебрянская, а также окончившие ЛГУ Анатолий Иванович Толмачев и Даниил Ефимович Червяков. Когда Серебрянская и Червяков защитили диссертации²⁹, на кафедре истории уже половина преподавателей имели учченую степень. На кафедре литературы научная работа связывалась с изучением фольклора и литературы Карелии. Под руководством Василия Григорьевича Базанова готовили к изданию наследие сказителей³⁰, воздействовав старшекурсников – актив научного кружка. Интеллектуальный климат факультета характеризует обсуждение научных докладов. Среди первых были доклады проф. Кудрявцева об Английской буржуазной революции³¹, Владимира Ивановича Малышева о деятельности Krakowskской типографии Швайпольт Фиоля и русских рукописях XIV–XV веков³². Были подготовлены к изданию «Ученые записки историко-филологического факультета КФГУ».

На биологическом факультете были открыты кафедры химии (зав. – Лупанов); зоологии беспозвоночных (зав. – Сергей Владимирович Герд); зоологии позвоночных (зав. – Марвин); генетики и дарвинизма (зав. – Маневич); физиологии растений (зав. – Авраамий Яковлевич Кокин); физиологии животных и человека (зав. – Правдич-Неминский); ботаники (зав. – Ефим Степанович Степанов). Научная работа биологов была связана с хозяйственным освоением Севера. В целях развития охотничьего промысла изучались акклиматизация ондатры, перелетные птицы. Для совершенствования овощеводства исследовалась устойчивость к условиям севера различных сортов картофеля. Продолжалась работа по составлению гербария, начатая в КГПИ. Гербарий стал хорошей основой для научных исследова-

ний ботаников. К активной творческой деятельности привлекались студенты. Так, О. Гордеев, Романова, Филина под руководством Марвина изучали роль новых млекопитающих в автохтонных сообществах³³.

Учебную работу физико-математического факультета координировали кафедры теоретической физики (зав. – Матвей Владимирович Мачинский), экспериментальной физики (зав. – Виктор Александрович Михайлов), математического анализа (зав. – Райкерус). Практика студентов и исследовательская работа велись на базе лаборатории экспериментальной физики [10: 167].

С нуля создавался географо-гидрогеологический (затем геолого-гидрогеографический) факультет. На факультете действовали три отделения – геологическое (16 первокурсников), географическое (5 первокурсников) и гидрологическое (18 первокурсников). Большинство студентов совмещали учебу с работой на производстве³⁴. Была создана первая кафедра – геология. Заведующий кафедрой В. С. Слодкевич передал в дар университету коллекцию по геологии и палеонтологии, которую собирали 15 лет³⁵. На ее основе началось создание геологического музея.

Большую поддержку КФГУ в подготовке учебных планов, заявок на оборудование, формировании библиотеки, организации практики на Бородинской биологической станции оказывал ЛГУ. Лекционные курсы в Петрозаводске в первый учебный год прочли историк античности Дмитрий Павлович Каллистов, филолог Константин Алексеевич Пушкиревич, зоолог Леонид Михайлович Шульгин, химик Александр Иванович Юрженко и другие преподаватели ЛГУ³⁶.

Началась подготовка научных кадров на базе КФГУ. В октябре 1940 – феврале 1941 года прошли экзамены в аспирантуру³⁷. Преподаватель кафедры марксизма-ленинизма Яков Алексеевич Балагуров, поступив в аспирантуру, первым в КФГУ начал готовить диссертационное исследование по истории Карелии. Его интересовало социально-экономическое развитие Поморья XVIII – начала XX века³⁸. Под руководством Сергея Николаевича Чернова им были подготовлены «Очерки по истории Карельского Поморья». Положительный отзыв на эту научную работу представил известный российский источниковед А. И. Андреев. «Очерки» приняли к печати. Однако в начале войны рукопись, а также архивные выписки были утрачены. Историку предстояло начать все заново на материалах Коми края, куда был направлен в эвакуацию вуз.

В аспирантуре физико-математического факультета учились преподаватели КФГУ Рей-

монд Андреевич Нисконен и Андрей Федорович Ипатов. Их научным руководителем стал доктор наук Максим Калинникович Куренский, зав. кафедрой математики Ленинградского кораблестроительного института, а после его кончины директор НИИ математики и механики ЛГУ Владимир Иванович Смирнов³⁹. В годы войны оба аспиранта ушли на фронт. Нисконен в сентябре 1941 года пропал без вести в окружении [4]. Ипатов после войны защитил диссертацию, вплоть до безвременного ухода из жизни возглавлял кафедру алгебры и геометрии в КГПИ [11: 55].

В мае 1941 года Всесоюзный комитет по делам высшей школы при СНК СССР разрешил КФГУ прием кандидатских диссертаций по ряду специальностей⁴⁰. Впервые 19 мая 1941 года на заседании ученого совета КФГУ была успешно защищена кандидатская диссертация Анны Борисовны Ратнер «Домашнее рабство в Греции героической эпохи». Официальными оппонентами выступили академик В. В. Струве и профессор М. С. Альтман⁴¹.

Становлению библиотеки КФГУ помогла, передав 3 тыс. научных книг, Ленинградская публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина⁴². После Советско-финляндской войны финнам не удалось эвакуировать библиотеки Северного Приладожья. В их фондах сотрудники университета отбирали издания на немецком, шведском, финском, английском языках⁴³. Первая партия для отправки в Петрозаводск насчитывала 28 ящиков книг⁴⁴. Всего за год в библиотеку КФГУ поступило более 15 тыс. новых книг [10: 12].

В 1940 году средние школы Карелии окончили всего несколько сотен человек, часть из них поступала в ленинградские вузы. Абитуриентов было недостаточно, и приемная комиссия работала не только в Петрозаводске, но и при ЛГПИ, ЛГУ. Абитуриенты сдавали экзамены по русскому языку и литературе, по иностранному языку и двум профильным предметам. Имевшие аттестат отличника принимались в университет без экзаменов⁴⁵.

На первый курс было зачислено 417 юношей и девушек, жители КФССР составляли около трети поступивших. Студенческий коллектив формировался как многонациональный. Из прибывших к первому дню занятий 411 студентов 223 являлись русскими, 76 – представителями карелов, финнов, вепсов, 38 – украинцами, 32 – евреями, 28 – белорусами, 5 – эстонцами, 3 – татарами и др.⁴⁶

В октябре 1940 года правительство СССР приняло решение о взимании платы за обучение в вузах. В КФГУ для студентов дневного отделения

она составляла 400 руб. в год – сумма немалая, ибо среднемесячная зарплата советских рабочих и служащих равнялась 331 руб. [12: 128]. Плату разрешалось вносить частями, 200 руб. в семестр⁴⁷. Большинство студентов заплатили необходимую сумму, но не всем это было по силам. В ноябре 1940 года университет покинули 311 студентов. В сентябре 1940 года обучалось более 700, в феврале 1941-го – 393 студента⁴⁸.

Государственную стипендию получали отличники, а также четыре студента с ограничениями по здоровью (незрячие). Первый семестр стипендия начислялась также 18 студентам – детям и женам погибших в Советско-финляндской войне. Стипендиатов было немного. Так, из 41 студента геолого-гидрогеографического факультета стипендию получали только четверо⁴⁹. В первом семестре стипендию получали 99, во втором – 93 человека. Три студента (О. Гордеев, Сидорова, Шилина) были удостоены Сталинской стипендии, составлявшей 500 руб. в месяц⁵⁰.

В этих условиях студенты получили право свободного посещения занятий. Это давало возможность подрабатывать, чтобы оплачивать учебу и каждодневные нужды. Однако фактически пропуски не превышали 4 % учебных часов, высокая посещаемость объяснялась тем, что учеников и научной литературы не хватало, к сессии готовились по лекциям.

Экзамены проходили в присутствии ректора или декана, часто – представителей Наркомпроса КФССР, журналистов республиканских газет, партийных работников⁵¹. И преподаватель, и студент волновались, возникали расхождения при оценивании. Так, на экзамене у историков третьего курса, который принимал Балагуров, во время ответа студента Карпова в аудиторию внезапно вошли ректор Лехен, первый секретарь ЦК КП(б) КФССР Куприянов и другие работники ЦК партии. Студент растерялся, не смог продолжить ответ и получил «неуд». Однако декан факультета Никулин разрешил в тот же день пересдать экзамен, объяснив неудачу студента психологическими факторами. Заведующий кафедрой Голенченко счел эту пересдачу нарушением регламента и выразил протест ректору⁵².

Приезжие студенты обеспечивались общежитием, где получали в пользование кровать, матрац и тумбочку. Постельного белья университет не выдавал, не хватало также чайников, посуды, шкафов. Общежития не имели ни водопровода, ни канализации. Университет надеялся быстро завершить строительство нового четырехэтажного общежития на 250–300 мест. В актовом зале стояла звуковая киноустановка, и дважды в неде-

лю студенты ходили в кино. Часто устраивались концерты симфонического оркестра филармонии, выступали поэты, сказители⁵³. Во время зимних каникул более 90 студентов съездили в Ленинград, где в течение пяти дней знакомились с музеями, театрами, памятными местами⁵⁴.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В 1930-е годы КГПИ подготовил более 500 учителей, внеся вклад в осуществление всеобщего семилетнего образования в городах и промышленных центрах Карелии. Педагогический коллектив КГПИ стал кадровой основой университета. КФГУ был создан, когда в руководстве уже было преодолено пренебрежение к университетской модели образования, а в регионе накоплены материальные ресурсы и практический опыт вузовской работы. В довоенный период вузы Карелии обеспечивались кадрами за счет командирования выпускников ЛГПИ, ЛГУ, МИФЛИ и других столичных вузов и привлечения профессоров и доцентов из Ленинграда и Москвы как совместителей. Их практическая помощь выражалась в чтении лекционных курсов, руководстве аспирантами, налаживании научных коммуникаций, формировании внутреннего уклада, атмосферы. В свою очередь ученые находили в Петрозаводске учеников и последователей, не лишним был и дополнительный заработок. В КФГУ началась подготовка научных кадров через аспирантуру, первыми аспирантами стали преподаватели КФГУ. В научных исследованиях стало уделяться больше внимания изучению природы, культуры, истории Карелии.

Для молодежи, особенно сельской, учеба в вузе гарантировала повышение социального статуса. В 1935 году более половины обучающихся в Учительском институте и 40 % студентов пединститута составляли переселенцы-финны. В 1940 году две трети первокурсников Карело-Финского университета прибыли на учебу из-за пределов КФССР. Возможность получить высшее образование привлекала в малонаселенную республику мигрантов из других регионов России, в первой половине 1930-х годов содействовала адаптации к новому месту жительства финнов-иммигрантов. Вузовская среда создавала благоприятные условия для личностного роста молодежи. Основными проблемами оставались низкая успеваемость, узкий культурный кругозор части студентов, их слабая материальная обеспеченность. Введение платы за учебу привело к сокращению численности студентов КФГУ на 40 %.

Всплеск ожиданий революционного взрыва в Европе в 1929–1932 годах, начало Второй мировой войны способствовали тому, что вузы в приграничной республике рассматривались как фактор укрепления социалистического влияния в Финляндии. При этом в условиях миграционной активности в приграничье власти боялись воздействия западной идеологии и спецслужб западных государств. Преподаватели и студенты находились под жестким политическим контролем. Обвинения в сокрытии социального происхождения, в якобы приверженности национализму и буржуазной идеологии, факт прибытия в Карелию из стран Запада становились поводом для увольнения, ареста, неправедного суда. Развитие университета прервала война.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Национальный архив Республики Карелия (НАРК). Ф. 630. Оп. 1. Д. 457. Л. 30, 34, 57–58.

² НАРК. Ф. 630. Оп. 1. Д. 457. Л. 45.

³ НАРК. Ф. 630. Оп. 1. Д. 578. Л. 56.

⁴ НАРК. Ф. 630. Оп. 1. Д. 578. Л. 56.

⁵ НАРК. Ф. 1168. Оп. 3. Д. 8. Л. 93, 94.

⁶ НАРК. Ф. 1168. Оп. 3. Д. 37. Л. 20.

⁷ НАРК. Ф. 1168. Оп. 3. Д. 57. Л. 6–9.

⁸ Научный архив Карельского научного центра РАН. Ф. 1. Оп. 38. Д. 216. Л. 1–29; Ф. 2. Оп. 35. Д. 67. Л. 1, 3, 11, 17–20; Оп. 3. Д. 26. Л. 1–3, 9, 11, 36, 42–43.

⁹ Рабочий класс Карелии в период построения социализма в СССР. 1926 г.–июнь 1941 г.: Сборник документов и материалов. Петрозаводск, 1984. С. 59.

¹⁰ НАРК. Ф. 1168. Оп. 3. Д. 4. Л. 8.

¹¹ НАРК. Ф. 1168. Оп. 3. Д. 57. Л. 5.

¹² НАРК. Ф. 3. Оп. 5. Д. 164. Л. 1.

¹³ НАРК. Ф. 1168. Оп. 3. Д. 37. Л. 16, 17.

¹⁴ НАРК. Ф. 1168. Оп. 3. Д. 37. Л. 79.

¹⁵ Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 631. Оп. 6. Д. 181. Л. 12.

¹⁶ НАРК. Ф. 1168. Оп. 3. Д. 3. Л. 1.

¹⁷ НАРК. Ф. 1168. Оп. 3. Д. 37. Л. 15.

¹⁸ НАРК. Ф. 3. Оп. 5. Д. 164. Л. 9–18.

¹⁹ НАРК. Ф. 1168. Оп. 3. Д. 37. Л. 25.

²⁰ НАРК. Ф. 1168. Оп. 3. Д. 37. Л. 4.

- ²¹ НАРК. Ф. 630. Оп. 2. Д. 294. Л. 13–22.
- ²² НАРК. Ф. 3435. Оп. 1. Д. 101. Л. 4.
- ²³ НАРК. Ф. 1178. Оп. 2. Д. 9. Л. 31.
- ²⁴ НАРК. Ф. 8. Оп. 4. Д. 2067. Л. 1–19.
- ²⁵ НАРК. Ф. 1178. Оп. 1. Д. 6. Л. 29.
- ²⁶ НАРК. Ф. 1178. Оп. 1. Д. 1. Л. 20.
- ²⁷ Ленинское знамя. 1940. 18 сентября.
- ²⁸ Сюнев С. П. Мы были первыми // Петрозаводский университет. 1998. 8 июля.
- ²⁹ НАРК. Ф. 1178. Оп. 2. Д. 10. Л. 2.
- ³⁰ НАРК. Ф. 2923. Оп. 1. Д. 2. Л. 33.
- ³¹ Ленинское знамя. 1940. 20 ноября.
- ³² Ленинское знамя. 1941. 14 марта.
- ³³ Молодой большевик. 1941. 30 марта.
- ³⁴ НАРК. Ф. 1178. Оп. 1. Д. 1а. Л. 41, 42.
- ³⁵ Ленинское знамя. 1941. 4 января.
- ³⁶ НАРК. Ф. 1178. Оп. 1. Д. 6. Л. 8.
- ³⁷ Ленинское знамя. 1940. 27 октября. 1941. 4 февраля.
- ³⁸ НАРК. Ф. 2629. Оп. 1. Д. 2. Л. 1, 3, 16.
- ³⁹ НАРК. Ф. 1178. Оп. 2. Д. 12. Л. 4.
- ⁴⁰ НАРК. Ф. 1178. Оп. 1. Д. 6. Л. 30.
- ⁴¹ НАРК. Ф. 1178. Оп. 2. Д. 12. Л. 33.
- ⁴² Ленинское знамя. 1941. 20 мая.
- ⁴³ НАРК. Ф. 1178. Оп. 2. Д. 9. Л. 52.
- ⁴⁴ Ленинское знамя. 1940. 29 октября.
- ⁴⁵ НАРК. Ф. 1178. Оп. 1. Д. 6. Л. 1.
- ⁴⁶ НАРК. Ф. 1178. Оп. 2. Д. 8. Л. 3.
- ⁴⁷ НАРК. Ф. 1178. Оп. 2. Д. 8. Л. 9.
- ⁴⁸ НАРК. Ф. 1178. Оп. 2. Д. 9. Л. 31, 40.
- ⁴⁹ НАРК. Ф. 1178. Оп. 2. Д. 4. Л. 33.
- ⁵⁰ НАРК. Ф. 1178. Оп. 2. Д. 9. Л. 17.
- ⁵¹ Молодой большевик. 1941. 12 января; 30 мая.
- ⁵² НАРК. Ф. 1178. Оп. 2. Д. 15. Л. 25, 26.
- ⁵³ НАРК. Ф. 1178. Оп. 2. Д. 9. Л. 19.
- ⁵⁴ Ленинское знамя. 1941. 25 января.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. А в р у с А . И . , Ж у к о в с к а я Т . Н . Размышления о состоянии и перспективах российских классических университетов // Историческая экспертиза. 2017. № 3. С. 222–248.
2. А ф а н а с ѿ в а А . И . Культурные преобразования в Советской Карелии. Петрозаводск: Карелия, 1989. 279 с.
3. Д м и т р и е в Ю . А . Место памяти – Сандармох. Петрозаводск, 2020. 515 с.
4. Д ж а п а р и д з е А . В . Студенты и преподаватели КФГУ – участники Великой Отечественной войны (на материалах Музея истории ПетрГУ) // Петрозаводск – город воинской славы. Петрозаводск, 2016. С. 48–52.
5. Ка р е л ь с к ий го с у д а р с т в ен ный п е д а г о г и ческий институт: 50 лет / Отв. ред. А . Н . Б р и т в и х и н . Петрозаводск: Ка р е л и я, 1981. 135 с.
6. Ка р е л ь с к ий го с у д а р s t v e n nый п e d a g o g i c k ий у n i v e r s i t e t в ц и ф р а х и ф ак т а х : 75 лет. Петрозаводск: Изд-во КГПУ, 2006. 411 с.
7. К р и в о ш е е в Ю . В . , С о к о л о в Р . А . Эстонский историк Э . К . П а к л а р как исследователь Ледового побоища 1242 года // Александр Невский и Ледовое побоище: Материалы научной конференции, посвященной 770-летию Ледового побоища. Санкт-Петербург, 7 апреля 2012 г. СПб., 2013. С. 116–126.
8. Мой университет: очарование прошлого и размышления о будущем: Сборник интервью. Ч. 1. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2015. 294 с.
9. П а т р о е в а Н . В . , П а ш к о в а Т . В . , К о р о б е й н и к о в а С . В . Филологической науке в ПетрГУ – 80 лет // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42, № 7. С. 115–117.
10. Петрозаводскому государственному университету 50 лет / Отв. ред. М . И . Шумилов. Петрозаводск, 1990. 300 с.
11. Преподаватели Ка р е л ь с к ий го с у д а r s t v e n nый п e d a g o g i c k ий u n i v e r s i t e t a . 1931–2001: Биографический словарь. Петрозаводск: Редакционно-издательский отдел Ка r e l ь s k о го научного центра РАН, 2001. 299 с.
12. Рабочий класс СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны 1938–1945 гг. М.: Наука, 1984. 591 с.
13. Ректоры КГПУ: Биографические очерки. Петрозаводск: Изд-во КГПУ: Скандинавия, 2006. 168 с.
14. Страницы истории Петрозаводского государственного университета. 1940–2000. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2005. 540 с.
15. Ф и л и м о н ч и к С . Н . Образование и просвещение в Советской Карелии (1918–1939). Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013. 150 с.

16. Ш о р о х о в а И . В . Роль Петрозаводского университета в обеспечении экономики Карелии квалифицированными кадрами во второй половине 1950-х – первой половине 1960-х гг. // XX век и Россия: общество, реформы, революции. 2018. № 6. С. 123–131.
17. Ш о р о х о в а И . В . Петрозаводский университет в конце 1950-х – первой половине 1960-х годов (по материалам газеты «Петрозаводский университет») // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2015. № 5. С. 27–34.

Поступила в редакцию 12.03.2021; принята к публикации 28.06.2021

Original article

Svetlana N. Filimonchik, Cand. Sc. (History), Associate Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
syrsa@yandex.ru

FORMATION OF TERTIARY EDUCATION IN KARELIA IN THE 1930s

A b s t r a c t. This article analyzes the organizational, educational, and scientific activities of the Karelian State Pedagogical Institute and the Karelian-Finnish State University during the Stalinist modernization of the 1930s. Using Karelian regional material, the article demonstrates the change of priorities in higher education organization – the transition from the accelerated development of industry-specific institutions to the university model of education. The article investigates the sources of formation, number, and composition of such new social groups of the Karelian urban population as university lecturers and students. It supplements the biographical database of Karelian higher education workers with information retrieved from archival documents. The article shows that the university activities in Karelia significantly increased the availability of higher education for rural youth and the Finno-Ugric peoples in the 1930s. The authorities of the Republic of Karelia, with its border location, tried to use universities as instruments of socialist influence in Finland while at the same time strengthening political control over them. Accusations of concealing social origin, suspicions of loyalty to bourgeois ideology or nationalism, the fact of arriving in Karelia from Western countries became the reasons for dismissals, arrests, and unjust trials. The article uses the genetic, problem-based, and biographical methods, as well as the contextual and systemic approaches.

K e y w o r d s : Karelian State Pedagogical Institute, Teachers Institute, Karelian-Finnish State University, studentship, tertiary education

F o r c i t a t i o n : Filimonchik, S. N. Formation of tertiary education in Karelia in the 1930s. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(8):46–55. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.692

REFERENCES

1. Avrus, A. I., Zhukovskaya, T. N. Reflections on the status and prospects of Russian classical universities. *The Historical Expertise*. 2017;3:222–248. (In Russ.)
2. Afanasyeva, A. I. Cultural transformations in Soviet Karelia. Petrozavodsk, 1989. 279 p. (In Russ.)
3. Dmitriev, Yu. A. Place of memory – Sandarmokh. Petrozavodsk, 2020. 515 p. (In Russ.)
4. Dzhabaridze, A. V. Students and teachers of Karelian-Finnish State University who fought in the Great Patriotic War (based on materials from the Museum of History of Petrozavodsk State University). *Petrozavodsk, the City of Military Glory*. Petrozavodsk, 2016. P. 48–52. (In Russ.)
5. Karelian State Pedagogical Institute: 50 years. (A. N. Britvikhin, Ed.) Petrozavodsk, 1981. 135 p. (In Russ.)
6. Karelian State Pedagogical University in figures and facts: 75 years. Petrozavodsk, 2006. 411 p. (In Russ.)
7. Kriivosheev, Yu. V., Sokolov, R. A. Estonian historian E. K. Paklar as a researcher of the 1242 Battle on the Ice. *Alexander Nevsky and the Battle on the Ice: Proceedings of the research conference dedicated to the 770th anniversary of the Battle on the Ice*. St. Petersburg, April 7, 2012. St. Petersburg, 2013. P. 116–126. (In Russ.)
8. My university: fascination of the past and reflections on the future: Collection of interviews. Part 1. Petrozavodsk, 2015. 294 p. (In Russ.)
9. Patroeva, N. V., Pashkova, T. V., Korobeynikova, S. V. 80 years of philological sciences at Petrozavodsk State University. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020;42(7):115–117. (In Russ.)
10. Celebrating the 50th anniversary of Petrozavodsk State University. (M. I. Shumilov, Ed.) Petrozavodsk, 1990. 300 p. (In Russ.)
11. Teachers of Karelian State Pedagogical University. 1931–2001: Biographical dictionary. Petrozavodsk, 2001. 299 p. (In Russ.)
12. The working class of the USSR on the eve and during the Great Patriotic War of 1938–1945. Moscow, 1984. 591 p. (In Russ.)
13. Rectors of the Karelian State Pedagogical University: Biographical sketches. Petrozavodsk, 2006. 168 p. (In Russ.)
14. Pages of the history of Petrozavodsk State University. 1940–2000. Petrozavodsk, 2005. 540 p. (In Russ.)
15. Filimonchik, S. N. Education and enlightenment in Soviet Karelia (1918–1939). Petrozavodsk, 2013. 150 p. (In Russ.)
16. Shorokhova, I. V. The role of Petrozavodsk State University in providing the economy of Karelia with qualified personnel in the second half of the 1950s and the first half of the 1960s. *The twentieth century and Russia: society, reforms, revolutions*. 2018. No 6. P. 123–131. (In Russ.)
17. Shorokhova, I. V. Petrozavodsk State University at the end of the 1950s – first half of the 1960s (following the newspaper materials “Petrozavodsk University”). *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2015(5):27–34. (In Russ.)

Received: 12 March, 2021; accepted: 28 June, 2021